

БАРРИ БУЗАН

«НАУКА О МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ – УДЕЛ ИЗБРАННОГО КРУГА ГОСУДАРСТВ...»

Барри Бузан — знаковая фигура в современной теории международных отношений (ТМО). В России к авторам, принадлежащим к «английской школе» (English School) ТМО, обращаются гораздо реже, чем к представителям основных американских течений, но имя Барри Бузана, несомненно, известно каждому международнику. «Английская школа» — самобытное направление в исследованиях международных отношений с более чем полувековой историей. Он — виднейший ее теоретик и популяризатор. При этом его личная и научная биография глубоко интернациональна. Помимо британского подданства, он — гражданин Канады; на протяжении многих лет Барри Бузан является профессором Лондонской школы экономики, успел поработать в Японии, Скандинавских странах, в последнее время часто бывает с лекциями в Китае. Наряду с Оле Уэвером он считается одной из ключевых фигур «копенгагенской школы исследований международной безопасности». Барри Бузан не скрывает, что в зависимости от исследовательского фокуса и задач может опираться на положения различных парадигм, оставаясь при этом верным ключевым идеям «английской школы».

В своих исследованиях Барри Бузан затрагивает проблемы теории и эпистемологии международных отношений, региональной безопасности, международной политики в Восточной Азии и, наконец, истории международных отношений. Ему удается сохранять широкий профиль даже в тех вопросах, где гигантские объемы информации вынуждают исследователей делать выбор в пользу более узкой специализации.

Вместе со своим братом, известным канадским психологом, Барри Бузан стал автором книги «Карта Сознания», тематически далекой от международных исследований. Разносторонняя натура профессора проявляется и в его давнем увлечении мотоспортом.

Барри Бузан — автор многочисленных статей и монографий. К наиболее известным его работам относят: «People, States and Fear: An Agenda for International Security Studies in the Post-Cold War Era», «From International to World Society?: English School Theory and the Social Structure of Globalisation» и многие другие. Он исходит из идеи сколь необычной, столь же и простой: так же как люди живут в обществах, которые они сформировали, также и государства, живут

в международном обществе, которое они формируют.

18 октября 2012 года Барри Бузан в Лондоне дал интервью участнику сети Форума Дмитрию Офицерову-Бельскому специально для журнала «Международные процессы».

Д.О. *Вы ведь приехали в Великобританию в достаточно зрелом возрасте...*

Б.Б. Нет. Я родился в Лондоне. Моя семья эмигрировала в Канаду, когда мне было восемь лет. Я вырос в Канаде и там же в основном получил образование. Затем, в конце 1960-х годов, вернулся в Англию, защитил диссертацию и с тех пор живу здесь. А вот моя жена американка.

Д.О. *Вместе с тем Вы много работали в Копенгагене, в скандинавских странах, в Азии. Сейчас вы, вероятно, самый известный представитель «английской школы». Как Вы полагаете, опровергает ли в какой-то степени Ваша академическая карьера сложившееся представление о том, что «английская школа» является исконным продуктом Великобритании и предназначена исключительно для нее?*

Б.Б. Мне вообще кажется, что термин «английская школа» не вполне точен. Он был изобретен для того, чтобы раз и навсегда снять вопрос о том, как «обозвать» то течение мысли, которое в общем-то к тому моменту уже сложилось и устойчиво развивалось в литературе, на конференционных площадках, в университетских лекториях. Это не самоназвание. Но тем не менее оно прижилось, и сегодня никто даже думать не станет, чтобы его менять. Это как бренд, знаете ли. В то же время, с какой точки зрения на нее ни посмотри, это, бесспорно, не английская школа. Кто-то из ее отцов-основателей, конечно, был родом из Англии. Но многие авторы в ее рамках происходят из совершенно других стран – из Австралии (например, Хедли Булл) или из Южной Африки.

Д.О. *Да, но ведь работали они в Англии...*

Б.Б. ...но начинали-то не здесь. Это не была теория из Британии и для Британии в

том смысле, который имел в виду Роберт Кокс. Это, скорее, теория, разработанная в европейской традиции. Я думаю, что и название-то «английская школа» появилось просто потому, что она не была американской. Ведь большинство других теорий были из-за океана и, являясь как будто универсальными теориями международных отношений, в действительности представляли собой произведения национальных исследовательских школ США.

Сегодня, в середине 2010-х годов «английская школа» стала, парадоксальным образом, удивительно популярна в Китае. Она все еще сильна в Австралии. Есть люди, в Скандинавии и Германии, которые работают в духе «английской школы». Такие есть даже в Америке. Так что, по существу, это весьма глобализированная теория, более уже никак не связанная с британской внешней политикой или вопросами о месте Британии в мире. Она и генетически была мало сопряжена с разрешением этих вопросов. Повторюсь: она в гораздо большей степени связана с европейским подходом, который уходит своими корнями в политическую теорию, в международное право, черпает из социологии и истории. Эти основания образуют теоретико-методологическую базу и научную аксиоматику, существенно отличающуюся от большинства американских подходов. Даже конструктивизм в этом смысле весьма отстоит от «английской школы».

Д.О. *Что же получатся: современные научные школы больше никак не привязаны к национальным границам? Их тоже «постигла» глобализация?*

Б.Б. Я бы не стал так драматизировать. У меня был интересный разговор с немецкими коллегами, в частности с Матиасом Альбертом. Он искренне удивлялся тому, насколько сильно обсуждение социологии в Германии отличается от социологических дискуссий в «англосаксонской сфере». Ученые оперируют разными понятиями, по-разному расставляют акценты, исходят из разных парадигмальных допущений. Таким образом, к счастью или к сожалению, но тотальной универсализации науки

все же не произошло. Тем не менее «английская школа» довольно успешно шествует по миру. В этом смысле Китай демонстрирует интересный поворот: отчасти название «английская школа» служит обоснованием проекта «китайской школы». Все это опровергает мнение о стирании национальной специфики научных школ.

Д.О. *На Ваш взгляд, определила ли британская история, хотя бы в какой-то мере, современную специфику «английской школы»? Я имею в виду период Империи, а затем – Содружества?*

Б.Б. Едва ли. Я убежден, что люди, создававшие «английскую школу», вышли именно из европейской традиции. Они исходили из идеи европейского сообщества государств, которое сформировало притягательную модель для всего мира. В рамках «английской школы» лишь весьма незначительное место отводилось Империи, ее роли. Приведу пример: в работах теоретиков «английской школы» велось и ведется довольно много дискуссий относительно характера взаимодействия «западного международного общества» с Японией и Китаем – странами, которые никогда не были колониями. В то же время в поле обсуждений этого рода совершенно не попала Индия: это случилось как раз потому, что Индия была колонизирована и оказалась под британским суверенитетом. Став частью Великобритании, она перестала быть интересна.

Не случайно – как реакция на такое положение вещей – все более отчетливо раздаются критические голоса ряда исследователей, таких, как Сого Судзуки, утверждающих: «Мы должны думать о двухуровневом обществе – колониальном и “западном международном обществе”». Колониализм являлся одним из основных институтов западного международного общества как минимум до 1945 года, и мы должны об этом говорить более подробно. Тем не менее в традиционной английской литературе о международных отношениях этого тренда не просматривается.

Другой пример: ключевой интеллектуальной фигурой из прошлого, на которую своим

весом опирается «английская школа», является Г. Гроций. Он не был англичанином. Снова мы упираемся в мой ключевой тезис: «английская школа» – часть европейской традиции мышления о европейской цивилизации. Она берет начало в идеях христианства, и в ней нет ничего специфически британского. Англия и Америка занимали ведущие позиции в международных отношениях и, следовательно, имели наибольший интерес к их исследованию. Но в любом случае все это делалось не для Британии и не для британской внешней политики. Я вспоминаю как услышал в Китае: реализм, неореализм и особенно неолиберализм представляют собой теории, порожденные Соединенными Штатами в собственных интересах и направленные на то, чтобы сохранить в мире свое первенство. В этом же смысле они говорят: «английская школа создана британцами и в интересах Британии и нацелена на то, чтобы понять, как слабеющая держава пытается сохранить инерцию могущества, опираясь на роль правил в международном обществе». Я не разделяю данное суждение. Если бы оно было верным, то Великобритания занимала бы совершенно иную позицию по отношению к Европейскому Союзу, например.

Д.О. *Профессор Бузан, поправьте меня, если я ошибаюсь, но, на мой взгляд, принципиальное отличие «английской школы» составляет совершенно уникальное парадигмальное ядро теории, не так ли?*

Б.Б. Вы правы. Я бы сказал так: в ее основе лежит вполне конкретная концептуальная конструкция, которая образует, если угодно, скелет нашего подхода – это понятие о международном обществе и своеобразии его трактовки.

Д.О. *Но ведь на формирование этого понятия существенное влияние оказал конструктивизм вообще и творчество Александра Вендта, в частности?*

Б.Б. И да, и нет. Александр Вендт ведь сам испытал на себе влияние Хедли Булла. Вы можете увидеть очень симптоматичные

моменты в основе его рассуждения. Конечно, найдутся те, кто хотел бы думать об «английской школе» как о ранней форме конструктивизма, но я считаю, это неправильно. Оле Уэвер как-то написал, что «английская школа» происходит из иных корней, нежели конструктивизм. Конструктивизм исходит из особого рода философии знания — эпистемологии. «Английская же школа» имеет корни в политической теории, истории, международном праве и немного социологии. При этом представители обоих подходов проявляют повышенный интерес к социальным структурам. Вот почему, если вы размышляете об обществе, и общество становится основой вашей концепцией, то в той или иной мере обращение к конструктивистскому методу неизбежно. Но на этом, пожалуй, сходство и заканчивается. Я имею в виду, что вы просто не можете думать об обществе в какой-либо иной форме. Таким образом, «английская школа» и конструктивизм, безусловно, разделяют схожую методологию и подходы, но они происходят из разных идейных источников и вовсе не интерпретируют мир одинаковым образом. Было бы ошибкой думать, что в нынешних условиях они обязательно сольются в некоей теоретической амальгаме. Между ними должен развиваться диалог, но растворение друг в друге им не грозит точно. Так, по крайней мере, рассуждаю я.

Д.О. *А что Вы думаете о влиянии «английской школы» на другие теоретические традиции?*

Б.Б. «Английская школа», конечно, продвинулась с задворков науки о международных отношениях, где находилась довольно долго, на более значимые позиции. Если вы обратитесь к американским текстам по международным отношениям, скажем, 20-летней давности, то, вероятно, найдете немного упоминаний об «английской школе». Сейчас всё иначе, и она получает намного большее признание. Происходит определенный взаимообмен с американскими авторами, которые осознают, что исследование международного об-

щества отличается от рассуждений о международных системах. Эти теории построены по различной логике, и практически не влияют друг на друга. С другой стороны, очень трудно найти людей, которые бы в чистом виде представляли ту или иную теорию. Некоторые, как Миршаймер, могут быть близки к чистому реализму, но другие, как например я, используют разные подходы. Порой я пишу как неореалист, иногда я пишу в стиле «копенгагенской школы» или «английской школы».

Я думаю, что сейчас «английская школа» имеет наибольшее влияние, пожалуй, в Китае. Я уже упоминал, что развитие китайской школы часто увязывается с освоением наработок «английской школы». Это достаточно неожиданно, не правда ли? Китайская школа только начинает обретать форму и ещё не совсем понятно, какой она будет. Они стремятся выйти на передний край теории и анализа, но при этом не хотят попасть в интеллектуальное рабство к американцам. В общем, нужно рассматривать «английскую школу» как отличную от американской, к лучшему это или к худшему — не знаю, но в этом определено состоит часть ее привлекательности.

Д.О. *Вы затронули тему интеллектуального рабства. В некоторых европейских странах, например, Скандинавских, влияние американской парадигмы очень заметно. Также и в России: значительная часть ученых работают в реалистической традиции.*

Б.Б. Потому, что она хорошо «продается» у Вас. Традиция мышления в духе силовой политики имеет долгую историю в России.

Я полагаю, что американская школа чрезвычайно влиятельна по двум причинам. Одна из них состоит в том, что Америка выдала огромное количество теоретического продукта, так как, будучи державой-гегемоном, она имела наибольший интерес в популяризации собственной версии рефлексии ситуации и сама выступала в качестве основной аудитории для этой рефлексии. ТМО — удивительная дисциплина. Сфера ее анализа широка,

а исследования концентрируются в очень ограниченном круге стран – в этом ее отличие от социологии, политологии или экономики.

Другая причина заключается в том, что американцы до недавнего времени были необычайно успешны в привлечении в свои университеты на обучение иностранцев, которые затем возвращались в свои страны. То, что вы говорите о России, также относится к Японии, Китаю, Корее и многим другим азиатским государствам. Очень многие проходят обучение в США и затем работают в русле американской теории. Ответ на гегемонию еще только формируется. Отчасти он становится еще и реакцией на специфику американской теории как таковой, одержимо пытающейся уподобить международные отношения физике с её позитивистской методологией. В Японии, Корее и, конечно же, в Китае наблюдается стремление найти альтернативу. «Английская школа» часто оказывается первым портом захода в этом поиске, она становится тем «другим», который не связан с американской теорией.

Я думаю, что Америка была очень продуктивна в науке о международных отношениях во многом потому, что была чрезвычайно эффективна в обучении людей, которые затем работали в других странах.

Д.О. Американский исследователь Стивен Краснер говорит, что «английская школа» представляет собой лучший социологический подход к анализу международных отношений. Но почему тогда она не использует количественные методы? Это было бы логично.

Б.Б. Позвольте мне начать с Краснера. Его слова справедливы лишь отчасти. Если основные понятия «английской школы» – это «международное общество» и «мировое общество», то это, безусловно, социологическая теория. В то же время мне неизвестно о каком-либо взаимовлиянии между «английской школой» и социологией как научной дисциплиной. Большинство людей, работавших в традиции «английской школы», хорошо знакомы с классической социологией. Но это не отразилось на

их понимании международного общества. Да, в некотором смысле подход социологичен. Но в том ли смысле, что он укоренен в социологии? Едва ли.

Теперь о количественных методах. Буду с Вами откровенен: я не большой их поклонник. Впрочем, у меня нет никаких возражений против специалистов, их использующих. Но мне все же кажется, что есть пределы для осмысленного измерения. И если вы выберете неправильный индикатор, это может, скорее, затемнить понимание предмета, нежели его прояснить.

Справедливо будет сказать, что в «английской школе» количественные методики не используются. Некоторые из отцов-основателей, в том числе Хедли Булл и Мартин Уайт, сознательно противопоставляли себя бихевиоризму. В то время исследователи в США обратились к позитивизму и попытались привнести в исследования международных отношений количественные методики. Вы совершенно правы: скандинавы, например, используют их уже довольно давно. Исследования мира, которые они развивают, опираются на формальные модели. Трудно представить себе, в какой форме «английская школа» могла бы интегрировать в свою методологию количественный анализ. До настоящего момента подход «английской школы» был основан на качественных подходах: исторических, философских, нормативных, эмпирических. Их цель – определить, каким образом институты международного общества возникают и разворачиваются. И на данный момент нет сколько-нибудь серьезного повода для представителей «английской школы» идти по иному пути. Хотя, возможно, это прямой вызов сторонникам количественных методик, которые считают их применимыми к изучению международного общества.

Д.О. Как Вы полагаете, существуют ли еще неохваченные области, которые имеет смысл исследовать с опорой на базовые положения «английской школы»?

Б.Б. «Английская школа» не сказала своего слова в политической экономии.

В то же время мне представляется, что если мы хотим понять, что же такое международное общество, то мы должны, в конце концов, иметь достаточно сильную политическую экономию. Если Вы рассматриваете Европейский Союз как глубоко и хорошо развитую форму международного общества, Вы обращаете внимание в основном на экономические вопросы. Если Вы анализируете мировую экономику, Вы понимаете рынок как институт международного общества, в основе которого лежат как солидарность, так и развитие. Без политической экономии представление о том, что такое международное общество, сильно искажено. На мой взгляд, это слабое место исследований «английской школы».

Другое слабое место — недостаточное внимание к колониализму в международном обществе. Вопрос о международном обществе зародился в условиях колониального порядка и это по-прежнему сказывается на мировых процессах. Об этом написано недостаточно, хотя авторы постепенно начинают обращаться к этой проблеме.

Д.О. Международное общество является основной идеей «английской школы», не так ли? А когда исторически международное общество стало политической реальностью?

Б.Б. «Английская школа» строится не только вокруг идеи международного общества, но, конечно, она — основная.

Когда возникло международное общество — вопрос дискуссионный. У разных авторов Вы найдете разные ответы. «Английская школа» проводит довольно жесткое различие между международной системой в том смысле, который вкладывают в эти слова реалисты, и международным обществом, которое предполагает наличие правил и норм, а также некое чувство общности и идентичности. Одна из ветвей «английской школы» настаивает на том, что можно провести различие между системами, где действуют принципы взаимозависимости, и обществами, в которых доминируют правила игры, принятые и практикуемые государствами. Моя позиция довольно радикальна, но ее разделяют неко-

торые другие представители «английской школы», в том числе из ранних авторов — Алан Джейнс, который утверждал: «Не существует международных систем в чистом виде»¹. Адам Уотсон провел историческое исследование эволюции международного общества. В своей работе он шел от истоков цивилизации, начиная с шумеров. И в каждом случае он находил международные общества, хотя и достаточно слабые.

Всегда есть правила, идет ли речь о дипломатии или о каких-либо правилах, касающихся контактов на войне, даже если это не более чем уважение к мертвым и позволение другой стороне собрать и похоронить убитых. Даже в самых ранних торговых системах была потребность в наличии общих ценностей и взаимности в торговых практиках. Как только вы обнаруживаете системы, где существуют регулярные связи между различными видами политических образований, вы находите и правила. Анализ Уотсона приводит к мысли, что международная система, это нечто такое, что можно найти лишь в научно-фантастических рассказах². Пришельцы просто хотят уничтожить Вас, и нет никакой дипломатии, нет ничего. Это просто война на уничтожение, без контактов. Но такие вещи редки. В человеческой истории нет альтернативы «система или общество», но есть вопрос «о каком обществе мы говорим». Это может быть очень глубокое и очень развитое общество, такое как ЕС, или же очень слабое, где в основном доминирует силовая политика, но есть некоторые правила дипломатии, войны и торговли.

Д.О. Правильно ли я понимаю, что формирование международного общества представляет собой непрерывный процесс. Например, в прошлом, в XVIII-м и XIX-м веках, европейская знать была очень транснациональна. Аристократия говорила на французском, имела сходные убеждения и культуру. Но затем европейские державы пошли по пути национализма, сделав в своем роде шаг назад. Можем ли мы говорить о пульсации глобализма, цикличности процессов эволюции мирового общества?

Б.Б. Вы мыслите в правильном направлении, но все же несколько упрощаете действительность. Существовала космополитическая аристократическая культура, которая была важной частью классического Вестфальского европейского международного общества, формировавшегося в XVI, XVII веках и просуществовавшего вплоть до XIX века. В XIX веке произошла революция модерна, которая преобразовала государство. Состоялся переход от абсолютистских государств к национальным государствам, а затем к демократии, от аристократического правления к новым идеологиям (к либерализму, социализму и т.д.).

Изменилась природа государства и то, как оно соотносилось с другими государствами. Изначально европейское международное общество было христианским, космополитическим, а затем оно стало более аристократическим, более цивилизационным. Наконец, еще чуть позднее оно стало западным международным обществом, когда в него вошли американцы. В тот период такое общество в каком-то смысле стало «золотым стандартом» построения социальных отношений и практик вообще.

На протяжении нескольких веков аристократия действительно была основой международного общества. Если вы видите в поражении аристократии и той культуры, носительницей которой она была, шаг назад, то, признаю, это интересный взгляд. Бесспорно, национализм разделил народы Европы больше, чем когда-либо. Но он также создал основу для суверенного равенства, которое сделало людей более равными в глазах друг друга и сформировало базис современной формы международного общества. И об этом тоже нельзя забывать.

Д.О. *Как вы думаете, цивилизации являются одной из форм международного общества? Что вы думаете о теории цивилизаций?*

Б.Б. Я думаю, что цивилизации в большей степени являются проявлениями мирового общества. Международное общество в основном межгосударственное, мировое же общество включает в себя негосу-

дарственные взаимодействия. Дискуссия на эту тему длится уже долго, и я даже опубликовал статью о культуре и международном обществе. У Мартина Уайта есть строки, которые часто цитируют — он говорил, что международное общество не станет реальностью, пока не возникнет общей культуры. Это довольно сильное заявление, с которым я не вполне согласен. Мне кажется, что цивилизации — наследие истории. Последние пару веков в глобальном масштабе расширяется космополитическая цивилизация. В процессе этого движения некоторые вещи, которые первоначально были западными, оказались усвоены в других местах и больше не воспринимаются чуждыми локальным культурам, которые их когда-то позаимствовали. Возьмем, к примеру, футбол. Никто не думает, что футбол — английская игра. Это глобальная игра, Вы можете разговаривать о футболе в России, в Китае или Японии — где угодно. Историческое наследие отдельных цивилизаций продолжит сохраняться в течение длительного времени, возможно, даже всегда. Но цивилизации взаимодействуют друг с другом и учатся друг у друга. В Великобритании сейчас национальным блюдом стал цыпленок Виндалу³.

Д.О. *Вы поставили знак вопроса в названии вашей книги «От Международного общества к Мировому обществу?» Почему?*

Б.Б. Потому что я думаю, что это действительно открытый вопрос. Я не утверждаю, что мы движемся от международного общества к мировому, но я предполагаю, что такой вектор движения в самом деле задан. Это — основная проблема, вокруг которой было организовано исследование. Вопрос не в том, как мировое общество берет начало в обществе международном. Что действительно интересно, это то, как эти две категории взаимодействуют друг с другом. Работа была строго нацелена на исследование этой проблемы, а не на обоснование того, что такая трансформация имеет место.

Должен сказать, что меня по-прежнему занимают главным образом первичные, ба-

зовые институты международного общества, и в этом смысле в методологическом отношении больших изменений не произошло. Правда, в последнее время я стал склоняться к выводу, что самые серьезные изменения произошли в XIX веке — это была модернизация, повлекшая глубокую трансформацию международного общества.

В данный момент я работаю над двумя книгами. Одна из них посвящена преобразованиям в международных отношениях XIX века. Мы должны уделять этому больше внимания. Другая книга будет об «английской школе». Это учебник, который меня попросили написать. Правда, это больше, чем просто учебник. Это попытка глубже рассмотреть вопросы плюрализма, солидарности и так далее. Сейчас я гораздо более информирован и понимаю, как много изменилось в XIX веке, и как много «английская школа» должна «взять на борт» наряду с остальными школами. Складывается впечатление, что для современных международных отношений точкой отсчета является 1648 год, но это не так. Наибольшие преобразования, которые в значительной степени сформировали современный мир, произошли в XIX веке.

Д.О. Вы сказали, что международное общество представляет собой явление, известное с начала человеческой цивилизации. Вы что же считаете, что принципы международных отношений не изменились со времен Фукидида? Как известно, по мнению реалистов, все идет по-прежнему.

Б.Б. Да, у реалистов ничего не изменилось. Реализм исходит из огромного упрощения, которое в принципе позволяет понять и осмыслить всю историю, поскольку игнорирует многие нюансы. Это интересное упрощение, но оно из числа тех, которые смущают больше, чем проясняют.

Для меня корректный подход к изучению международных обществ начинается с анализа первичных институтов, с попытки увидеть, что они из себя представляют и как развиваются. Вы можете посмотреть, скажем, на мир ближневосточных царств и империй второго тысячелетия до нашей

эры. Вы увидите там международное общество, потому что исторические хроники содержат много доказательств наличия в прошлом системы дипломатии. Но это совсем не та дипломатия, что у нас. Эта дипломатия строилась вокруг идеи семейной иерархии. Основная ее задача состояла в том, чтобы утвердить себя в качестве короля или императора, и тогда один из вас получал более высокий статус, чем остальные. Отношения были переполнены семейными метафорами: Вы — сын отца, старший брат, младший брат, кто Вы? Это та разновидность дипломатии, которая радикально отличается от современной системы суверенного равенства. Точно так же в Китае начинали рассматривать свою историю в терминах «английской школы», глядя на племенную систему как на своего рода международное общество, которое имеет совершенно другие институты и совсем другую логику. Она отличается от логики современного западного международного общества. Вы можете в широком смысле сравнивать эти вещи, но нельзя утверждать, что они всегда одинаковые, или что очень простая логика силовой политики будет безусловно работать. Логика политики с позиции силы уступает место вопросу о мотивах. В классическом обществе вопросы чести были одной из основных причин начала войны, но сейчас они не настолько значимы. Я думаю, подобные вещи имеют большое значение для понимания того, что происходит.

Д.О. В ходе нашего разговора Вы уже несколько раз ссылались на пример Китая. Я знаю, что Азия и, в частности, Китай занимают в Ваших исследованиях особое место. Почему?

Б.Б. Меня всегда привлекали культуры Восточной Азии. Я полагаю, мой интерес начался с Японии, потому что эта страна всегда была исключением из правил. Это была часть незападного мира, которая очень быстро была охвачена революцией модернизации. Это необычно.

К Китаю я обратился отчасти потому, что китайцы проявляют огромный интерес

к «английской школе». Немало повлиял и возникший спрос, потому как я был довольно видным теоретиком, но при том не был американцем и к тому же довольно сильно критиковал американский режим. Это придало мне популярность в Китае, и они начали переводить мои книги. Они перевели практически все, что я написал до настоящего момента. Все работы доступны на китайском языке. И это делает более легкими и приятными для меня поездки туда. Мои книги включены в списки обязательной литературы по учебным программам, так что даже если я и не владею их языком, они знают, кто я и откуда. Я стал частью их научного дискурса. В последние пятнадцать лет я регулярно бывал в Китае и получаю большое удовольствие от таких поездок. Это захватывающая возможность, потому что наука о международных отношениях в этой стране находится еще на подъеме. В последнее десятилетие они открыли в вузах 50 кафедр международных отношений. Это очень много. Некоторые из них хорошие, какие-то хуже. Но общее ощущение — колоссальный подъем, и я имел счастье наблюдать за этим процессом, участвовать в нем с самого начала и помогать его становлению. Будет здорово, когда накопленные возможности раскроются. Я не эксперт по Восточной Азии, но поездки в этот регион стали моим хобби.

Д.О. В своих работах Вы утверждаете, что эпоха сверхдержав закончилась. Почему вы так считаете?

Б.Б. У меня была статья о мире без сверхдержав, в которой доказывалось, что сверхдержавы не являются типичным явлением в международных отношениях. Почему же мы принимаем за нормальное состояние то, что одна или две страны могут быть настолько мощными, чтобы доминировать во всей мировой системе? Данное положение — следствие наступления модерна в XIX веке, а его интерпретация восходит к идеям Льва Троцкого о неравномерном и комбинированном развитии. Неравномерное и комбинированное развитие с невероятной силой

проявилось в XIX веке, когда несколько держав сконцентрировали в своих руках возможности модерна, а большинство остальных этого сделать не смогли. Такие страны, как Россия, Франция, Османская империя и Китай, очень поздно шагнули в современность. Они потеряли власть и статус в этот период, тогда как некоторые страны были более успешны, например, Великобритания, США и Германия. В частности, Великобритания и США стали ведущими державами. Британия была первой сверхдержавой — единственной доминирующей силой. Но это — совершенно неестественная ситуация.

Трансформации XIX века позволили небольшому числу стран добиться глобального доминирования, им удалось радикально оторваться от других. Сейчас мы подходим к концу переходного периода, который начался в XIX веке, когда несколько стран первыми совершили прыжок в современность. Обратите внимание на идею «подъема остальных» Фаарида Закарии. Ее суть в том, что прочие страны достигают модерна разными путями, но попутно они неизменно обретают власть, как в свое время — западноевропейские и североамериканские страны-лидеры. Таким образом, сила все больше не концентрируется, а наоборот, растекается по странам.

Разрыв между теми, кто прошел путь модернизации, и теми, кто этого не сделал или же был в этом не очень успешен, становится все менее значительным. Способность стран приобретать и поддерживать значительную долю в мировом ВВП быстро улетучивается. Американцы все менее способны удерживать свое преобладание, хотя они все еще имеют большое преимущество в военной сфере.

Некогда Великобритания и США на пике своей сверхдержавности создавали около 40% мирового ВВП. Никто более не пытается этого повторить. Мы не ждем чего-либо сравнимого с падением Римской империи. США, Европа и Япония вовсе не собираются исчезать. Они остаются богатыми, могущественными и продуктивными. Но способность к концентрации власти для того, чтобы стать сверхдержавой, ис-

чезает прямо на наших глазах. И потому великие державы останутся в будущем, но это будут уже не сверхдержавы.

Д.О. *На рубеже XX-XXI веков, многие ученые стали оплакивать конец предыдущей эры и пророчить начало новой исторической эпохи. Как вы думаете, насколько это оправдано?*

Б.Б. Нет, я думаю, что оценка 1989 г. как пограничной вехи в перспективе будет иметь все меньшую поддержку. Я развернуто представил критику этой позиции в статье о ключевых датах в международных отношениях, которую я написал с Джорджем Лоусоном для «European Journal of International Relations». После 1989 г. изменилась конфигурация полюсов, но не другие, гораздо более существенные вещи. Впрочем, как Вы знаете, в международных отношениях всегда торопятся найти ключевые даты. Для некоторых людей это 2001 г., для других 2008 г. и начало экономического кризиса. Не стоит спешить с такого рода суждениями, пока не прошло достаточно времени. Возможно 2001 г. будет забыт, а может он станет точкой отсчета, которая определит эпоху, но мы сейчас не можем судить об этом — слишком рано.

Д.О. *Что бы Вы пожелали читателям «Международных процессов»?*

Б.Б. Учиться мыслить оригинально, самостоятельно и смело. Этому же я, кстати сказать, пытаюсь научить своих студентов и учеников. Я всегда видел свою роль в том, чтобы учить людей тому, как думать, а не что им думать. Не менее важно — качество окружающего Вас творческого коллектива. Это — залог интеллектуального роста. Работа в окружении единомышленников, преданных делу, но готовых критиковать и отстаивать создает необыкновенно стимулирующую обстановку для генерации продуктивных идей.

Д.О. *Спасибо, профессор Бузан, за внимание к читателям нашего журнала!*

Примечание

¹ В данном случае происходит противопоставление международных обществ и международных систем в классическом реалистическом понимании.

² Барри Бузан имеет в виду системы, не имеющие признаков общественных отношений. — *Прим.ред.*

³ Изначально блюдо индийской кухни.